

1-5-6
9-87

Николаев Петр Алексеевич

ЭСТЕТИКА И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕОРИИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Редактор А. Гуревич. Художественный редактор В. Карандашов. Художник Г. Кудрявцев. Технический редактор А. Ханина. Корректоры А. Басов и Б. Северина. Сдано в набор 24/IV 1967 г. А 06299. Подпис. в печ. 17/XI 1967 г. Формат бумаги 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 14,18. Уч.-изд. л. 15,309. Тираж 4500 экз. Изд. № 17116. Издательство «Искусство», Москва, К-51, Цветной бульвар, 25. Заказ № 185. Тульская типография Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109. Цена 1 р. 14 к.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград
ВО 1930РП - 2396/3

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале 1964 года еженедельник «France nouvelle» опубликовал интервью редактора журнала «La nouvelle critique» А. Гиссельбрехта «Об эстетике». В интервью, в частности, говорится: «В течение долгого времени мое поколение жило эстетикой Плеханова»¹. Однако А. Гиссельбрехт не склонен видеть в этом свидетельство теоретико-эстетической зрелости своего поколения. Почему же? Оказывается, эстетика Плеханова принципиально отличается от эстетики Маркса, поскольку может быть сведена лишь к социологическому истолкованию искусства; эстетика же Маркса не столь прямолинейна (А. Гиссельбрехт ссылается на положение Маркса о греческом искусстве). Французский критик далее полагает, что «наследство Плеханова превалировало в сталинский период», и сожалеет, что оно и до сих пор пропагандируется в Советском Союзе (хотя и менее интенсивно, чем прежде). Сожаление это понятно, ибо А. Гиссельбрехт, противопоставляя принципы «социологического» исследования формалистическим приемам анализа художественного произведения, отдает предпочтение последним.

Скептическое отношение к эстетическим воззрениям Плеханова объединяет многих зарубежных ученых, независимо от того, считают ли они себя сторонниками или противниками марксизма (Э. Симмонс, Сидней Хук и другие). Но их объединяет и та неосведомленность относительно места плехановского наследства в 30—40-е годы, которую обнаружил А. Гиссельбрехт. Она удивительна. О каком «превалировании» теорий Плеханова в тот период можно говорить, если они тогда почти не изучались, подвергаясь преимущественно критической «проработке»? Судьба теоретического наследства Плеханова оказалась драматичной. Култ «плехановской ортодоксии» 20-х годов сменился заключениями такого рода: «Плеханов видел противоречия между буржуазией и феодализмом, но он не видел других противоречий, противоречий между пролетариатом и буржуазией, между классами эксплуататоров и классами угнетенных»². Но взаимоисключающие утверждения

могли принадлежать одному и тому же автору. Даже Луначарский, объявив Плеханова «основателем марксистской критики», писал о его последовательном релятивизме в эстетике.

Хотя и в 30-е годы издавались (главным образом благодаря необыкновенной энергии Р. М. Плехановой) работы Плеханова — известные восемь сборников его «Литературного наследия», — но они получали, как правило, отрицательную оценку. Р. М. Плеханова имела полное право писать в 1938 году: «К моему глубокому сожалению, я редко встречаю серьезную, глубоко продуманную критику представляемых нами и печатающихся в Соцэкгизе посмертных трудов Плеханова. В большинстве случаев молодые, еще не оперившиеся философы, развязные, свысока третируют Плеханова как философа, искажают его политические и социальные взгляды, его тактику, а иногда похлопывают по плечу: «Ничего, старик, недурно»³.

Что же касается теоретико-эстетического наследия Плеханова, то и значительно позднее можно было встретить в научной литературе категорические заявления о причастности Плеханова к канонам «дворянско-буржуазной» эстетики.

Строго говоря, только в 50-е годы началось (активизированное плехановским юбилеем 1956 года) серьезное изучение научно-литературного творчества выдающегося марксиста.

Произошло главное — принципиально изменилось отношение к Плеханову. Пожалуй, особенно интересно, что это чувствуется не только по специальным работам о нем. Теперь не удивляешься, заметив, как автор критической статьи, рассуждая о литературных влияниях в современной поэзии, обращается за «поддержкой» к соответствующим теоретическим формулам Плеханова.

И уж совсем обычным стало подобное обращение, когда речь идет о проблематике, близкой Плеханову: специфика искусства, реализм, импрессионизм.

Однако историки эстетической и теоретико-литературной мысли, несмотря на некоторые успехи (работы Б. Бурсова, В. Астахова, Б. Бессонова, Н. Горбанева), серьезно отстали от исследователей философских и экономических концепций Плеханова (книги В. Фоминой, М. Иовчука, Б. Чагина, И. Бровера).

Чем объясняется подобное отставание? Отчасти тем, что у многих теоретиков искусства до сих пор существует предубежденность против эстетической системы Плеханова. Еще нередко суждения о методологических принципах Плеханова — теоретика искусства напоминают высказывания А. Гиссельбрехта.

Но, понятно, если данные принципы рассматриваются прежде всего с точки зрения их отличия от подлинно научной методоло-

гии, то это не может стимулировать широкое изучение ни самих принципов, ни трудов, в которых они воплощены и развиты. Конечно, теперь все чаще вспоминаются позитивные оценки Ленина, считавшего имя Плеханова вместе с именем Чернышевского олицетворением лучших, демократических черт русской нации и ее культуры. Все охотнее цитируются слова Ленина о том, что написанное Плехановым по философии есть «лучшее в международной литературе марксизма» и оно «должно войти в серию обязательных учебников коммунизма»⁴.

Это особенно важно потому, что на подобные оценки не влияли заблуждения и ошибки Плеханова в последние годы его жизни. В. Д. Бонч-Бруевич (вспоминания которого, как известно, занимают важное место в ленинине) писал: «Я знаю наверное, что до самых последних сознательных дней своих Владимир Ильич очень бережно относился к памяти Георгия Валентиновича и ко всему, что он написал... Я лично для него подыскивал статьи Георгия Валентиновича из старой «Искры», на которые он указывал как на образчик в идеологическом и литературном смысле. Наконец, я наверное знаю, что Владимир Ильич часто перечитывал произведения Георгия Валентиновича и вслух высказывался и в эти (20-е.— П. Н.) годы о величии ума и проникновенности творческого таланта Георгия Валентиновича»⁵.

Но всегда ли обращение к подобным оценкам определяет пафос исследований плехановского наследия? Нет, не всегда. Иногда видишь в этом лишь внешнюю вежливую дань возрожденной традиции. Подчас указанные оценки и критические замечания современных исследователей как бы образуют два параллельных ряда, хотя касаются одной и той же особенности теоретического мышления Плеханова. Отчего это? Иногда просто от нежелания учитывать контекст ленинских высказываний.

В самом деле, охотно цитируют, скажем, те же слова Ленина о философских сочинениях Плеханова, которые должны стать учебниками коммунизма. Но тут же, говоря о заслугах Плеханова в области исторического материализма, скептически отзываются о его диалектическом методе. Это имеет давнюю и плохую традицию. Идеалисты всегда любили упрекать сторонников марксизма в отсутствии диалектики и в неумении теоретически обосновать ее. Плеханов знал, что эти упреки адресованы и ему. В этом нет ничего удивительного. Странно, однако, что подобные упреки молчаливо (и не молчаливо) признавались в отношении Плеханова справедливыми и много лет спустя.

Между тем Ленин, рекомендуя сочинения Плеханова, хотел особо подчеркнуть его заслуги в области диалектики. Он произнес

процитированные выше слова на известной профсоюзной дискуссии, в тот момент, когда, споря с Бухариным по поводу формальной и диалектической логики, он отверг принцип случайного эклектического синтезирования двух внешних характеристик предмета и продемонстрировал метод подлинно диалектического анализа «всесторонности» предмета.

Этот факт заслуживает внимания историков литературной мысли, поскольку выступление Ленина имело немалый резонанс в литературной науке 20-х годов. Но, естественно, он непосредственно касается и исследователей Плеханова.

В целом опыт Плеханова как теоретика искусства конкретно-исторически еще не осмыслен. Мало того, порой и в сочувственных суждениях о нем виден оттенок снисходительности, так сказать, исторического превосходства: это, конечно, талантливо, но все нам давно и хорошо известно.

В. Асмус в свое время высказал мысль, прекрасно объясняющую подобное отношение: «...современный искусствовед или критик легко может впасть в иллюзию, приводящую к недооценке заслуг Плеханова в области эстетики. Дело в том, что многие из обоснованных им положений настолько прочно вошли в содержание эстетики, оказавшись краеугольными для всей науки об искусстве, что в настоящее время положения эти осознаются уже не столько в качестве идей Плеханова, сколько в качестве простых, самоочевидных истин. Нам трудно уже представить, насколько далеки эти идеи от самоочевидности, насколько трудна и сложна их кажущаяся простота и, главное, насколько велика роль личного творчества, личной одаренности и личной энергии Плеханова в обосновании этих идей, в их разъяснении, изложении и пропаганде»⁶.

Эти точные слова, в сущности, заключают в себе целую программу исследования плехановской эстетики и критики. Какие стороны эстетической системы Плеханова стали теперь «самоочевидными истинами», какова роль «личного творчества» Плеханова в обосновании этих сторон — ответить на эти вопросы значит определить, во-первых, «удельный вес» плехановских работ в истории эстетической науки и, во-вторых, всерьез осознать их непреходящее значение.

Исследование теоретико-эстетического и литературного наследия Плеханова — это прежде всего исследование методологии научной эстетики в том ее специфическом качестве, какое могло возникнуть в определенный период, на первой стадии развития марксистской теории искусства и эстетики в России. Эта методология претерпевала некоторые изменения, подчиняясь общей идейной

эволюции Плеханова, иногда становилась весьма уязвимой. Тем не менее на ее основе Плехановым были достигнуты немалые исследовательские результаты — такие, которые представляют очень интересную страницу в истории русской общественной мысли конца XIX и начала XX века.

Как известно, исторических деятелей следует оценивать не с точки зрения того, что они *не дали*, а с точки зрения того, что они *дали нового* по сравнению со своими предшественниками. И сам Плеханов не раз утверждал: критика взглядов тех людей, труды которых имели в истории положительное значение, должна быть преимущественно положительной.

Бесспорно, работы Плеханова по эстетике и искусствознанию относятся именно к таким трудам. Причем они требуют применения к ним указанных исследовательских принципов не только по причине своего большого исторического значения, но особенно потому, что они перешагнули границы своего времени.

Писать о Плеханове на первый взгляд легко. К нему в полной мере относятся его собственные слова о Герцене: «Сочинения такого высокоталантливого человека, как Герцен, говорят сами за себя: умейте только цитировать их кстати». Но далее он делает существенную оговорку: «...беда в том, что *кстати* цитировать Герцена не так легко» (XXIII, 415), и мотивирует ее некоторыми противоречиями герценовского развития, объясняемыми в свою очередь историческими обстоятельствами. Это также полностью относится к Плеханову.

В свое время естественные трудности в изучении его деятельности искусственно преувеличивались, противоречия Плеханова представлялись столь глубокими, неразрешимыми и даже «загадочными», что возможность их объяснения казалась маловероятной. Современные условия позволяют объективнее оценить богатый теоретический опыт Плеханова в области эстетики и искусствознания.